

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

РУССКИЙ МИР (экспертные суждения и оценки)

В.И. Иванов

Институт социально-политических исследований РАН
Ленинский пр-т, 32а, Москва, Россия, 119991

Понятие «русский мир», ставшее в последнее время одним из самых популярных в общественно-политической литературе, становится в данной статье объектом научного анализа. Представлены различные точки зрения на данный концепт, осмысливается его теоретическая и практическая значимость, утверждается эвристическая ценность.

Ключевые слова: русский мир, русская культура, русская нация, православие.

Борьба русского народа за свободную
и достойную жизнь на земле продолжается.

В.С. Соловьёв

Выступая на встрече с творческой интеллигенцией и объявляя 2007 год Годом русского языка, Президент Российской Федерации В.В. Путин, в частности, отметил: «В наше сложное время мы должны искать новые адекватные формы исторической общности людей. И русский мир может и должен объединить всех тех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами, и к какой бы этнической группе ни принадлежали. Почаще употребляйте это словосочетание — „Русский мир!“» [12. С.7].

Разумеется, прежде чем употребить это словосочетание, следует разобраться с его содержанием.

Если мы думаем взяться за эту тему серьезно, есть необходимость остановиться в первую очередь на некоторых исходных концептуальных понятиях и вопросах.

Концепция — это всегда система взглядов, выражающая определенный способ видения, понимания и трактовки каких-либо процессов и явлений. Концепция применительно к такому сложному, исторически изменчивому понятию, как «русский мир», предполагает последовательное изложение взглядов на основополагающие вопросы, составляющие его содержание и эволюцию.

Сюда относится в первую очередь характеристика основных идейно-нравственных универсалий, представляющих основу русской ментальности. В их числе взгляды на добро и зло, справедливость и несправедливость, смысл и цели человеческого существования, власть и собственность, закон и нравственность, вера и неверие и т.д.

Русский мир — это исторически сложившаяся форма общности людей на основе общности языка, культуры, исторической памяти. Но понимание ее природы и ее роли в разные периоды времени предполагает анализ условий, факторов, институтов, влияющих на эту общность, с одной стороны, и испытывающих ее детерминирующее воздействие, с другой.

Русский мир сегодня — это Россия плюс русские (русскоязычные) в ближнем зарубежье (страны СНГ и Балтии), плюс русские (русскоязычные) в дальнем зарубежье, сохраняющие историческую память и не прерывающие связей с исторической Родиной. Это соотечественники по сути.

Возросшее внимание исследователей и политиков к теме современного русского мира в последнее время нашло свое выражение в научных и публицистических выступлениях, в многочисленных конференциях, семинарах, круглых столах и т.п.

Попытка дать современное толкование понятию «русский мир» была сделана, в частности, на заседании круглого стола на тему: «Русский мир: смысл и стратегии» в фонде «Единство во имя России». В докладе директора Института этнологии и антропологии РАН члена-корр. РАН В. Тишкова «мир» был определен как «трансгосударственное сообщество, объединенное причастностью к определенному государству и полностью к его культуре». Принадлежность к русскому миру определяют, по его мнению, русский язык, русскоязычная культура и связь с Россией. В него можно включить отнюдь не всех выходцев из нее: человек должен обязательно чувствовать свою причастность к России [Цит. по: 18. С. 2].

По мнению Н.А. Нарочницкой, «русский мир — это не только Россия и русские в мировой истории. Русский мир — это связь во времени и пространстве, в жизни и сознании тех, кто объединены чувством сопричастности всей многовековой истории России с ее взлетами и падениями, грехами, заблуждениями и метаниями. Русский мир — это и мы сами в мире, и мир в нашем русском взгляде на него» [13. С. 5].

Выступая на Международном форуме «Зарубежная диаспора — интеллектуальный ресурс России» (октябрь, 2003 г.), мэр г. Москвы Ю.М. Лужков подчеркнул, что «русский мир построен на основе русского языка и русской культуры, которые на протяжении многих веков впитывали в себя лучшие традиции других культур и одновременно обобщали культуры других народов». Говоря о необходимости активизировать работу по консолидации русского мира, он обратил внимание на то, что в настоящее время «российское экспертное сообщество мало внимания уделяет проектированию возможных вариантов структурирования Русского мира и поиску механизмов выстраивания на базе разрозненных, разобщенных, но активных и стремящихся к диалогу с Россией общин российской диаспоры эф-

фективно действующей системы. Нам нужны прикладные исследования и практические рекомендации в этой области» [Цит. по: 24. С. 5—6].

Русские мыслители, философы, писатели и поэты в разное время предлагали свою трактовку понятия «русский человек», «русский народ», «русский мир». Хотя по этому поводу написано немало, в новые исторические времена эти понятия приобрели новые аспекты. Как отмечает известный английский философ и историк Исая Берлин, «русские публицисты, историки, литературные критики, философы, социологи, теологи, поэты — все без исключения, от первого до последнего, неустанно бились над вопросами: „что значит быть русским?“, „каково предназначение русского человека и русского общества?“, „в чем заключаются русские добродетели и пороки?“» [3. С. 335—336]. И нет оснований сказать, что ответы на эти вопросы, ответы, с которыми можно согласиться в силу их достаточной обоснованности, уже были получены. «Другие времена — другие нравы», но и «другие времена — другие нравы». Меняются времена — меняются оценки и даже подходы к ним.

А. Миллер отмечает отсутствие согласия среди отечественных историков и этнологов XIX века в трактовке того, что есть «русский мир», каковы критерии включения в формирующуюся русскую нацию, где проходят или должны проходить ее этнические и территориальные грани, в каком отношении стоит эта нация к империи. В самом стандарте «русскости» одни отводили ключевую роль православию, другие — языку и культуре, третьи — расе или крови [10. С. 69]. Миллер приводит в своей книге высказывание авторитетного исследователя второй половины XIX в. М.Н. Каткова, который пришел к выводу, что «народы различаются между собой не по религиозным верованиям, а прежде всего по языку, и как только русские католики и евангелики, а равно и евреи усвоили бы себе русский язык не только для общественного житейского своего обихода, но и для духовной своей жизни, они перестали бы быть элементом в национальном отношении чуждым, неприязненным и опасным русскому обществу» [10. С. 70]. Превращение русского языка в язык духовной жизни является показателем приобщения индивидов к русскому миру.

Уместно вспомнить сегодня рассуждения Ф.М. Достоевского по поводу его же речи на пушкинском празднике (8 июня 1880 г.). «Я просто только говорю, — писал Ф.М. Достоевский, — что русская душа, что гений народа русского, может быть, наиболее способный, из всех народов, вместить в себе идею всечеловеческого единения, братской любви, трезвого взгляда, прощающего враждебное, различающего и извиняющего несходное, снимающего противоречия. Это не экономическая черта и не какая другая, это лишь нравственная черта, и может ли кто отрицать и оспорить, что ее нет в народе русском? Может ли кто сказать, что русский народ есть только косная масса, осужденная лишь служить экономически преуспейанию и развитию европейской интеллигенции нашей, возвысившейся над народом нашим, сама же в себе заключает лишь мертвую косность, от которой ничего и не следует ожидать и на которую совсем нечего возлагать никаких надежд?» [5. С. 165—166].

Для Ф.М. Достоевского вопрос этот был сугубо риторический. Но он, как показало время, отнюдь не риторический для некоторых наших современников.

Почему это актуально? Писатель Елена Черникова в статье в «Литературной газете» задает вопрос: «Кому нужен русский мир?» и отвечает: «Что ни подразумевай под ним, нужен мне» [26. С. 13]. И так сегодня могут ответить миллионы соотечественников и просто русских людей, разбросанных по всей планете. Но можно сформулировать вопрос и по-другому: «Кому не нужен русский мир?» И вероятность того, что таких респондентов будет не меньше, весьма велика. Сюда попадут и русофобы разных мастей, завистники русской исторической удачи, религиозные фанатики, реваншисты и т.п. Следует также иметь в виду, что в нынешних условиях глобализации по-американски происходит не только насильственное насаждение в разных странах, включая Россию, чуждой им системы ценностей и поведенческих стандартов, но и участились попытки некоторых наших соотечественников-интеллектуалов дать свое толкование, дать свой ответ на вопрос «что есть современный русский мир?» и «что есть русский человек?». Причем толкования весьма спорные, далекие от должного исторического обоснования.

Можно в качестве примера сослаться на книгу А.П. Давыдова «Между мистикой и ratio» [4]. Вот цитата из этой книги: «Русская художественная литература более двухсот лет изучает русского человека. И, бросая ретроспективный взгляд на историю российской мысли, я каждый раз убеждаюсь: литература — это единственная сфера ее движения, в которой обоснован страшный вывод о том, что русский человек не способен управлять собой эффективно, что он патологичен, и что его патология — следствие родовой травмы русской культуры. Литература не только поставила вопрос о социальной патологии в России, но назвала ее автора, русского человека, „уродом“, человеком „ни то, ни се“, „нравственным калеккой“. Этот вывод носит фундаментальный характер, так как вскрывает основную причину наших неудач в реформах и указывает цель нашего развития — изменение типа русской культуры». И дальше: «Изменить тип культуры — значит изменить воспроизводственную логику культуры, изменить те законы, принципы, пути, способы, которым воспроизводится человек как субъект культуры» [4. С. 9]. Такого рода пассажи ценны своей откровенностью. Здесь обо всем сказано открыто: и об отношении к русскому человеку, и о целях нынешних реформаторов как наших, так и их зарубежных вдохновителей.

К сожалению, он не одинок. Близка к этой и точка зрения Ю. Афанасьева, одного из самых громких недавних идеологов либеральных реформ. «Давно пора признать тот факт, — утверждает Ю. Афанасьев, — что мы — бедная отсталая страна», а усредненная серость, усредненная бедность и святая усредненная простота, являясь элементами традиционного общества, также наша характерная особенность. Другая не менее важная особенность России, по Афанасьеву, это несовременное, мифологическое, нерациональное сознание ее граждан [1. С. 7—8].

Более «изящно» на эту тему высказался профессор В.А. Ядов: «Чтобы новые социальные институты западного образца заработали эффективно необходимы изменения социального типа „базисной личности“, превращение человека совет-

ского или постсоветского в иной тип, как назвал его А. Инкелес, „a modern man“. Если между модернизацией и вестернизацией ставить знак равенства, то в переводе на русский это означает, что российские „Обломовы“ поголовно должны стать „Штольцами“» [28. С. 14].

Очевидно, что наши нынешние критики русского человека не понимают глубинного смысла его ментальности. Уместно в этой связи вспомнить Н.А. Бердяева, в частности, его рассуждения о том, что «в русской природе есть вечная склонность к покаянию, работа совести всегда преобладает в ней над работой чести, над чувством достоинства, по-преимуществу западным рыцарским по своему происхождению» [2. С. 124].

Совесь, «рабство совести», нравственное чувство, изначальный «коллективизм», примат общественного над личным — неотъемлемая черта русского национального характера. Непонимание и нелюбовь к русскому человеку приводят наших теоретиков к выводам скороспелым, поверхностным, предвзятым.

Критический настрой настоящей русской литературы, его социальный смысл объяснил в свое время Ф.М. Достоевский: «Народ наш с беспощадной силой выставляет на вид свои недостатки и перед всем светом готов толковать о своих язвах, беспощадно бичевать самого себя; иногда даже он несправедлив к себе самому, — во имя негодующей любви к правде, истине... с какой, например, силой эта способность осуждения, самобичевания проявилась в Гоголе, Щедрина и всей отрицательной литературе... В осуждении зла непременно кроется любовь к добру: негодование на общественные язвы, болезни — предполагает страстную тоску о здоровье» [Цит. по: 9. С. 202—203].

Н.В. Корниенко писала: «Каких только гадостей гуманитарии-интеллектуалы в последние десятилетия не вылили на русский народ, обвинив его во всех грехах XX века. Эдакие исторические двойники героя платоновского „Котлована“, который горюет, что народ в России какой-то не годный, не тот» [8. С. 6].

Не лишне отметить близость точек зрения отечественных теоретиков-руссофобов с позицией их зарубежных коллег. Так, английский социолог Г. Шанин утверждает, что нынешний кризис России продолжается более ста лет и в результате этого Россия давно выпала из естественного «прогресса», приобретя черты «третьемирности», под которой он понимает неспособность конкурировать на рынках, разлад элементов общественной системы, отрыв элиты от массы населения, государственный капитализм, отсутствие внутренней динамики экономического развития, наличие рывков, неэффективное использование человеческих и технических ресурсов [27. С. 87].

Вряд ли перечисленные автором признаки характерны для России на протяжении всех последних ста лет. Очевидно, автору не хочется признать, что «рывок» России в «третьемирность» — это результат деятельности либеральных демократов за последние 15 лет.

В отношении к русским очевидны не только ошибки и непонимание исторических и современных факторов, детерминирующих их деяния и поступки, но и явное влияние пропаганды как отечественной, так и зарубежной. Об этом

пишут сегодня здравомыслящие исследователи. Так, в недавно вышедшей книге «Новейшая история России. 1945—2006» ее автор А.В. Филиппов отмечает, что «до последнего времени российская история фактически являлась объектом пропагандистской атаки, в том числе и извне. Преследовались, по крайней мере, две цели. Первая: доказать, что Россия всем ходом своей истории заслужила место лишь на периферии мировой политики, в купе так называемых цивилизованных наций ей нет места. Второе: Россия, как наследница тоталитарного режима, должна вечно каяться за все его реальные и мнимые преступления. В общем, привить российскому обществу комплексы неполноценности и исторической вины, за счет чего решать вполне практические задачи. Примеры таких „решений“ мы видим в ряде государств СНГ и Балтии. Да, мы не отрицаем нашего прошлого, в том числе его темных и горьких страниц. Но это наша история: со всеми ее историческими победами и поражениями» [Цит. по: 6. С. 9].

Группа вопросов и ответов должна отражать совокупность взглядов на русскую культуру как базовую культуру страны, ее генезис, эволюцию, состояние, перспективы, должна раскрывать механизмы взаимодействия с другими культурами, диалога культур. Сюда же следует отнести взаимоотношения понятий «культура» и «государственный суверенитет». Особое место должно занять изложение исторической и современной роли православия, лежащего в основе русской культуры, роли русского языка как главного средства коммуникации и общения, как универсальной основы Российского государства и русского мира в целом.

Говоря об исторической и современной роли православия, позволю себе сослаться на точное высказывание русского философа и литератора Александра Огородникова: «В России мы имеем проявление феномена национально-религиозного единства, нераздельности судьбы России и веры православной. Не от русских пошло Православие, но ныне русские — основной церковный народ христианского мира» [14. С. 2].

Социологические исследования говорят о высоком уровне доверия россиян к церкви. На вопрос сотрудников аналитического центра Юрия Левады о доверии к ней 42% респондентов ответили «вполне заслуживает». Это означает второе место в рейтинге после президента, которому доверяют 64% опрошенных [11. С. 3].

Выступая на открытии XI Всемирного Русского Народного Собора, Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, в частности, отметил, что «сегодня многие пытаются переориентировать наш народ с приоритета духовного богатства на приоритет материальных ценностей. Культ обогащения как главной цели жизни человека проповедывается с академических кафедр, политических трибун, телеэкранов, газетных и журнальных страниц. Однако из опыта истории мы знаем: богатство нельзя исчислять только в рублях, долларах или евро, только в тоннах нефти и кубометрах газа, равно как и в других экономических показателях. Может ли Россия и дальше продолжать духовное возрождение или, ориентируясь только на умножение материального богатства, она придет к духовному упадку, а значит, со временем, и к новому политическому, экономическому и экологическому кризису» [23. С. 5].

Искусственное насаждение под давлением извне идолофобского, меркантильно-прагматического сознания чревато для российского общества катастрофическими последствиями.

Как отмечает автор книги «Русская цивилизация» О. Платонов, «в России сложилось иное, чем на западе, отношение к деньгам и богатству. Для западного человека свобода олицетворяется в деньгах (в частности, известный афоризм Б. Франклина), для русского свобода — это независимость от денег. Западный мир чаще всего сводит понятие свободы к степени возможности покупать, стяжать все новые и новые товары и услуги, русский видит в этой „свободе“ формулу кабалы, опутывающей его душу и обедняющей жизнь» [17. С. 79].

Платонов, как и другие исследователи, обращает внимание на самобытность хозяйственной модели, сложившейся в России. «Если в западной экономике господствовали индивидуализм, жесткая конкуренция, а эффективный труд мотивировался преимущественно материальными интересами, то в русской модели экономики предпочтение отдавалось коллективизму, обеспечению ограниченной, естественной связи и взаимозависимости между работниками, поддержанию духа общности и ответственности перед коллективом. Русская модель хозяйственного развития принадлежала к общинному типу экономики. Она развивалась на традиционных ценностях крестьянской общины и артели, коллективизма, взаимопомощи, трудовой демократии, местном самоуправлении. Эффективный труд мотивировался в ней преимущественно моральными, а не материальными стимулами» [17. С. 75].

Несомненный интерес представляют в этой связи результаты социологических исследований по проблемам приватизации собственности в России, в частности исследование, проведенное сотрудниками ИСПИ РАН в марте—мае 2006 года, в ходе которого было опрошено 2800 человек, проживающих в более чем шестидесяти населенных пунктах городского и сельского типа, представляющих основные географические, социально-экономические и социокультурные зоны страны (табл.).

Таблица

Соответствует или нет понятию «справедливость»... (%)

Событие социально-экономической жизни	Соответствует	Не соответствует
Купля-продажа земельных участков	53	44
Купля-продажа объектов собственности	57	40
Акционирование государственных предприятий	37	59
Передача государственных предприятий в собственность трудовому коллективу	48	48
Возвращение государству всех крупных частей предприятий	62	34
Смена неэффективного частного собственника на нового	68	28
Возвращение государству предприятий, добывающих нефть, газ и другие полезные ископаемые	85	13

Как видно из приведенных данных, нравственные оценки осуществляемых в ходе приватизации мер далеко не однозначны, что должно быть учтено вла-

стями в процессе выработки и реализации экономической политики в перспективе [20. С. 44].

Характеризуя в целом сложившуюся в результате неолиберальных реформ экономическую модель, С.Ю. Глазьев отмечает: «Наши современные реформы под либеральными (а точнее антикоммунистическими) лозунгами, ставшие воплощением извращенного понимания или извращенной реализации псевдолиберальной идеологии, обернулись крупномасштабным воровством. Тому есть множество примеров... предполагалось, что важно пройти точку возврата, а дальше жизнь все расставит по своим местам. В итоге она и расставила. Мы получили олигархию, абсолютно искаженные мотивы предпринимательской деятельности и хозяйственный механизм, продолжающий мотивировать людей не на создание чего-то полезного для общества, не на производство добавленной стоимости, а на присвоение чужого. И в этом принципиальный порок псевдолиберальной политики, которая породила нынешнюю хозяйственную экономическую модель» [Цит. по: 19. С. 2]. В этой характеристике правильно обращено внимание не только на искажение исторической сути либерализма, но и на игнорирование нравственной составляющей экономического механизма, что обрекает само хозяйствование на неэффективность причем не только экономическую, но и социальную.

Россия сможет выполнить роль лидера русского мира только решив задачу нравственного оздоровления. Это осознают сегодня многие как у нас в стране, так и за рубежом. Известный русский философ, профессор Лондонского университета Александр Пятигорский в интервью еженедельнику «Аргументы и факты» заявил о том, что «главная беда России — не в правительстве, а в деморализации. В России не боятся разложения нравственности. А это страшно. Потому что при деморализации возможно все — жестокость, разжигание национальной розни, предательство, коррупция» [21. С. 3].

Конечно, мало это сознавать. Нужны активные меры, предпринимаемые и государством, и общественностью. Попустительство и вседозволенность под маркой неограниченной свободы также вредны (если не больше), как и жесткие идеологические запреты. Свобода имеет смысл, если она служит гуманистическим ценностям и идеалам.

Отдельная группа вопросов и ответов связана с характеристикой взглядов на закон и нормы поведения (формальные и неформальные), раскрытием отношения русских людей к закону как таковому, государству, политическим партиям и т.п.

Тесно связаны с этой совокупностью взглядов представления о сущности и роли власти в жизни общества, ее предназначении и структуре.

Нельзя пройти мимо утверждений некоторых исследователей, нагнетающих страх перед якобы возможной «тихой» трансформацией нынешней власти в национал-имперскую.

Так, в «Независимой газете» была опубликована статья профессора Эмиля Абрамовича Паина «Протестное зазеркалье. Русский национализм и гражданское общество», в которой он, в частности, утверждает: «Имперско-фашистские силы

в условиях нынешней России не могут прийти к власти в результате демократических процедур, да они и не заинтересованы в демократии. Мала и вероятность прорыва этих сил к власти в результате военного переворота, хотя такая возможность обсуждается в их кругах. Зато вполне вероятно «тихое» и постепенное обновление власти и рост в ней удельного веса национал-имперских сил.

Речь вовсе не о том, что фашизация России является фатально неизбежной, но нынешние тенденции в политическом развитии страны, несомненно, ведут к радикализации протестных настроений и подталкивают русский национализм скорее к фашизации и к поддержке идеи установления тоталитарного режима, чем к гражданскому обществу» [15. С. 14].

Становится все более очевидным непонимание некоторыми нашими либеральными теоретиками и публицистами действительной роли централизма в политическом устройстве России. Показательна в этой связи заочная полемика главного редактора «Независимой газеты» Константина Ремчукова и заместителя главы администрации Президента РФ Владислава Суркова. Говоря о недостатках доклада В. Суркова (доклада под названием «Русская политическая культура. Взгляд из утопии», представленного 8 июня 2007 года), К. Ремчуков пишет: «Главная мысль автора звучит так: „Фундаментальные особенности России. Во-первых, это стремление к политической целостности через централизацию властных функций. Во-вторых, персонификация политических институтов“». Понятно, что Сурков занимается апологией того, что и почему было построено в политической системе при Путине. Но идеалу этой матрицы соответствует советский строй, особенно эпохи Сталина. Все на месте: и централизация, и мессианство, и культ личности как апофеоз персонификации политических институтов» [22. С. 10]. То, что советская власть была строго централизована, еще не говорит о том, что сам принцип централизма нехорош. Все зависит от времени и от условий. Без должной централизации Россия не сумеет «сосредоточиться», мобилизовать свои ресурсы для выхода из кризиса и развития. Мы уже испробовали сугубо рыночные механизмы в 90-е годы и привели страну к катастрофическому состоянию. Но К. Ремчуков этот опыт явно игнорирует во имя либеральной демократии западного типа. «Все искусство политики и вызов времени состоит в способности провести децентрализацию без хаоса, как реальную демократизацию власти в стране» [22. С. 10]. Опять «демократизация» как самоцель. Но это уже было.

Есть, правда, и другие подходы. «В нашей стране господствует „самодержавная политическая культура“, — пишет Ю. Пивоваров. — Ее главная характеристика — власти-центричность. Причем „власть“ должна писаться с большой буквы — Власть. Она ведущее действующее лицо исторического процесса, в ходе которого лишь меняет свои наименования — царь, император, генсек, президент. Важно подчеркнуть, что эта Власть всегда персонифицирована, т.е. обязательно предполагает определенного ее носителя (в отличие от этого на Западе власть имеет абстрактную природу — отдельна, независима от правителя, не является его личной прерогативой)» [16. С. 17].

В книге Ю. Пивоварова «Русская политика в ее историческом и культурном отношении» приводится любопытный факт, много дающий для понимания при-

роды русской власти и русской политики. В июле 1905 года в Петергофе проходило совещание высшей русской бюрократии под председательством Николая П. Центральным на этом совещании был вопрос о том, какой должна быть Государственная Дума, что означает ее создание для традиционной системы управления. Один из активных участников совещания, председатель департамента гражданских и духовных дел Госсовета Н.Н. Герард выразил наиболее точно господствовавшее в русских верхах представление о русской власти и русском управлении: «Самодержавная власть составляет сосредоточение и источник всей власти и потому не поддается определению. Все исходит от нее и в ней сосредоточено. Но... Самодержавная власть не может действовать непосредственно, а имеет исполнительные органы в области законодательства, администрации и суда» [16. С. 20]. Получилось, что и парламент, и администрация, и суд — не более чем исполнительные органы Власти. «Эта позиция Н.Н. Герарда, — отмечает Ю. Пивоваров, — может быть квалифицирована как своеобразное богословие русского Крагоса» [16. С. 20]. На практике это получило отражение в существовании двух параллельных типов высших административных организаций, управляющих страной: с одной стороны, приказы, коллегии, министерства как специализированные органы управления, с другой — государев двор, Собственная Его Императорского Величества Канцелярия, ЦК КПСС, Администрация Президента РФ, причем их сфера деятельности и полномочий не были ограничены, они действовали от имени и по поручению неограниченной верховной власти. «В этом коренная специфика русской административной системы», — отмечает автор [16. С. 22]. Эта особенность сохранится, очевидно, надолго. Вопрос о том, нужны ли здесь радикальные изменения и если нужны, то в чем они должны состоять и должны ли они осуществляться в русле самодержавной традиции, остается открытым.

Как утверждает Д.Е. Фурман, «для того, чтобы у нас стала возможной демократия, чтобы мы научились сами выбирать власть, нужны очень глубокие изменения в сознании. Нужна „десакрализация“ власти, разрушение сидящей глубоко в нашем сознании архаически-монархической схемы безраздельной и кончающейся лишь со смертью правителя власти. Опыт XX века ослабил эту схему, но она была достаточно сильна, чтобы каждый раз при сломе государственной системы вновь выходить на поверхность и подчинять своей логике противоречащие ей новые формальные институты, превращая и идею советской власти, и устав партии, и демократическую Конституцию в фасады, камуфлирующие все то же самодержавие.

Эта архаическая схема противоречит требованиям современного мира, мы в какой-то мере сознаем ее ущербность и стараемся от нее избавиться, но это настолько трудно, что каждый раз мы снова возвращаемся к ней, как продержавшийся какое-то время алкоголик возвращается к рюмке. Избавиться от глубоко укорененных, ставших уже характером привычек вообще без страданий невозможно» [25].

Но для того, чтобы принять любые «страдания» нужна великая, разделяемая обществом (или хотя бы его большинством) цель. Такая цель сегодня не просматривается.

Итак, здесь обозначены только некоторые моменты и аспекты будущей концепции русского мира. Продолжение работы в этом направлении сделает наши представления о нем более полными и более системными, отражающими его нынешнее состояние и вероятные перспективы.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Афанасьев Ю.Н.* Россия — несвоевременная страна // Свободная мысль. — 2004. — № 11.
- [2] *Бердяев Н.А.* Духовная основа русской революции. — М., 2006.
- [3] *Берлин И.* История свободы. Россия. — М., 2001.
- [4] *Давыдов А.П.* Между мистикой и ratio. — М., 2006.
- [5] *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя за 1880 г. Август // Русская идея. Сборник произведений русских писателей. — М., 2002.
- [6] *Елков И.* Жили-были. Новейшая история России — что было с нами вчера // Российская газета. — 11 июля 2007. — № 147.
- [7] *Ильин И.А.* О русской идее. Русская идея. Сборник произведений русских мыслителей. — М., 2002.
- [8] *Корниенко Н.В.* Интервью // Литературная газета. — 2007. — № 27.
- [9] *Лебедев Ю.В.* Литература. — Ч. 2. — М., 2006.
- [10] *Миллер А.* Империя Романовых и национализм. — М., 2006.
- [11] *Минин С.* Второе после президента // НГ — религии. — 18 апреля 2007.
- [12] «Мы русский мир построим!» // Литературная газета. — 12 декабря 2006. — № 49.
- [13] *Нарочницкая Н.А.* Русский мир. — СПб., 2007.
- [14] *Огородников А.* О национал-патриотизме // Московский литератор. — 2007. — № 7.
- [15] *Паин Э.А.* Протестное общество. Русский национализм и гражданское общество // Независимая газета. — 17 апреля 2007.
- [16] *Пивоваров Ю.* Русская политика в ее историческом и культурном отношении. — М., 2006.
- [17] *Платонов О.* Русская цивилизация. — М., 1995.
- [18] *Поляков В.* Признание русской Атлантиды // Литературная газета. — 20—26 июня 2007. — № 25.
- [19] Преодоление либерализма // Литературная газета. — 20—26 июня 2007. — № 25.
- [20] Приватизация-национализация. — М.: ИСПИ РАН, 2006.
- [21] *Пятигорский А.* Интервью // Аргументы и факты. — 2008. — № 3.
- [22] *Ремчуков К.* Апология сущего // Независимая газета. — 22 июня 2007.
- [23] Русский народ, русская культура и русский язык // XI всемирный Русский Народный Собор. — М., 2007.
- [24] Современное русское зарубежье. Антология. Т. I. Проза и поэзия. — М., 2005.
- [25] *Фурман Д.Е.* Поворот—2008 // Независимая газета. — 14 января 2008.
- [26] *Черникова Е.* Стандартизация а-ля Барби // Литературная газета. — 2007. — № 26.
- [27] *Шанин Т.* История России XX век с позиции сквозной «третьемирности» // Отечественная история. — 1999. — № 6.
- [28] *Ядов В.А.* Теоретико-концептуальное объяснение «посткоммунистических трансформаций» // Россия реформирующаяся. Ежегодник. — Вып. 6. — М., 2007.

**THE RUSSIAN WORLD
(expert judgements and assessments)**

V.I. Ivanov

The Institute of Social and Political Research
of the Russian Academy of Sciences
Leninskii ave., 32, Moscow, Russia, 119991

The article presents sufficient space for a thorough analysis of the topical concept of «the Russian world» which has recently become one of the most prevalent in socio-political writings. Different visions of the concept under consideration are introduced, its theoretical and practical implications are revealed and its heuristic value is emphasized by the author.

Key words: Russian world, Russian culture, Russian nation, Orthodoxy.